

Мой Идол

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

★
Джейд Леви

18+

Джейд Леви

Мой Идол

«Автор»

2026

Леви Д.

Мой Идол / Д. Леви — «Автор», 2026

Дядя Дэнни вошёл в мою жизнь раньше, чем я научилась говорить его имя. Лучший друг отца. Мой герой. Самый любимый человек на свете. В одиннадцать я поклялась выйти за него замуж. В шестнадцать — заставила себя забыть клятву. Мне двадцать. Через две недели он женится. Я приехала на Рождество просто обнять его. Три дня — чтобы притвориться, что ничего не изменилось. Один вечер — чтобы понять, что притворяться больше не выйдет.

© Леви Д., 2026

© Автор, 2026

Джейд Леви

Мой Идол

Глава 1

Мой идол

Глава 1. Лиззи

У меня есть любимый дядя — самый лучший в мире человек из всех, кого я знаю с пелёнок. Но он не мой родной дядя, а лучший друг моего отца, Дэниел Чой. Дядя Дэнни был идиолом в молодости, исколесил всю планету с группой DICE и осел в Лос-Анджелесе после распада группы, давая камерные концерты в барах и зарабатывая авторством песен. Несмотря на то что роялти от музыки DICE хватало с лихвой, дядя Дэнни не любил сидеть сложа руки.

Каждый год он собирал нас на Рождество в своём огромном шале на озере Биг-Бэр. Первые десять лет моей жизни с нами была его жена, Люси, которая была для меня просто тётей. Люси — пока я не начала замечать её на всех билбордах в городе. Когда мне было одиннадцать, дядя Дэнни развёлся с Люси, и на Рождество собралась компания гораздо больше обычного. Не только я, мои родители и он, но ещё и какие-то совсем незнакомые люди, которые громко разговаривали, курили сигареты прямо в доме и пили столько, что опустошили винный погреб дяди Дэнни. Нездоровая атмосфера для ребёнка. Тогда я впервые увидела, как папа и дядя Дэнни ссорятся.

На следующий год в шале снова были только я, мама, папа и дядя Дэнни. Так было до того, как мне исполнилось восемнадцать. После выпускного я поступила в медицинскую школу Стэнфорда, и, хотя географически я стала ближе к дяде Дэнни, видеться мы стали совсем редко — учёба поглотила меня целиком. С самого детства я мечтала стать педиатром и помогать детям, и теперь уверенно шла к своей мечте. Но мы с дядей Дэнни постоянно переписывались, созванивались, не теряли связь. И на Рождество перед своим двадцать первым днём рождения я решила сделать ему сюрприз.

Ранним утром двадцать третьего декабря я села в свой маленький красный мини-купер и поехала из Стэнфорда в Биг-Бэр. После полудня колёса моего верного мини прочертили две борозды на свежем снегу, усыпавшем подъездную дорожку к шале, и я вышла из машины, вдыхая свежий горный воздух. В руках — коробка с пончиками из города. Его любимыми. Бостонский крем в шоколаде и кленовый пекан. Мои любимые тоже — потому что он меня на них когда-то посадил.

Я прошагала к входной двери, нажала на звонок, и по шале разнеслась громкая мелодичная трель. Мне было сложно не улыбаться так сильно, что болели щёки. Я так скучала по дяде, так хотела его снова обнять, что в груди щемило, а щёки покраснелись — то ли от холода, то ли от ожидания.

Спустя пару минут дверь открылась, и на меня уставились сонные карие глаза.

«Лиззи?» — хриплый, сонный голос произнёс моё имя, и я тут же пихнула коробку с пончиками ему в руки. Заспанный, с тёмными кругами под глазами, с растрёпанными длинными чёрными волосами, падающими на плечи и спину. Я всегда считала, что красивее дяди Дэнни никого не существует — так казалось мне в десять, и так же кажется сейчас, в двадцать. Тонкие черты лица, острая линия челюсти, двухдневная щетина, тёмные раскосые глаза и моя любимая маленькая родинка под правым. Недаром его считали самым привлекательным участником DICE.

«Сюрприз!» — прокричала я, крепко обнимая его. Он едва успел отвести коробку с пончиками в сторону, чтобы её не смяло, и теперь неуклюже балансировал ею на ладони.

«Господи, ты ещё на пару сантиметров подросла, что ли?» — усмехнулся Дэнни, отстраняясь и разглядывая моё лицо. — «Ты же вчера мне ещё в подмышку дышала».

Я не могла перестать улыбаться. Его взгляд скользнул по моему лицу и на секунду задержался чуть дольше, чем нужно для обычного «привет» — а потом он моргнул и первым отвёл глаза. Я смотрела на него всё с тем же щенячьим обожанием, что и в десять лет, только щёки почему-то горели сильнее, чем того требовал мороз.

Дэнни наконец поставил пончики на столик в прихожей и взял меня за плечи, легонько встряхнув.

«Прекрати так быстро расти!» — шутливо проворчал он, а я закатила глаза, качая головой.

«Всё, всё, больше не буду! И вообще, лишняя пара сантиметров — это от зимних ботинок», — защищалась я, выворачиваясь из его хватки. Дэнни фыркнул и опустился передо мной на одно колено, разглядывая высокие зимние ботинки, доходившие почти до колен. Увесистые резиновые платформы, длинные шнурки. Он тут же принялся развязывать их — по старой привычке, будто мне снова пять и я ненавижу возиться со шнурками. Я не стала его останавливать. В этом жесте было что-то настолько трогательное, что в груди стало невыносимо тепло.

«Вот уж действительно сюрприз, — сказал Дэнни негромко. — Я и не думал, что ещё хоть раз увижу тебя в Биг-Бэр на Рождество».

Я закусила губу, разглядывая стену над его головой.

«Прости... Я думала, что получится приехать в прошлом году, но... была не в лучшем состоянии».

Дэнни хмыкнул и поднял на меня взгляд, расшнуровывая второй ботинок.

«Не извиняйся, Пташка. Тебе никогда не нужно передо мной извиняться».

Мы посмотрели друг другу в глаза, и его улыбка грела лучше любого свитера. Пташка... Он придумал это прозвище, когда мне было всего четыре. И до сих пор иногда так меня зовёт. В подростковом возрасте это раздражало. А сейчас вызывало только прилив нежности к мужчине, который всю жизнь оберегал меня наравне с отцом.

«Ты одна приехала из Стэнфорда? Лиззи... восемь часов за рулём? Ради старика Дэнни?» — он улыбнулся, поднимаясь во весь рост, и мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Во мне было от силы сто шестьдесят пять сантиметров, а в нём — все сто восемьдесят пять. Серая футболка оверсайз свободно висела на его худощавой фигуре, на бёдрах болтались серые спортивные штаны.

«Старика? Старики просыпаются засветло, а ты дрыхнешь до обеда!» — рассмеялась я, тыкая кулаком ему в плечо. — «Я и не заметила, как время прошло. Раза четыре переслушала твой новый альбом».

Дэнни застонал, проведя рукой по лицу и потирая щетинистую челюсть.

«Какой позор. Тебе больше понравилась песня про развод или про депрессию?» — шутливо спросил он, но за шутками почти всегда пряталась уязвимость творца.

«Мне понравились все. Но особенно песни про любовь. Даже с плохим концом», — уверенно сказала я, снимая пуховую куртку и вешая её на крючок у входной двери. — «Ты всё ещё лучший исполнитель, которого я знаю».

«Пташка... Я единственный исполнитель, которого ты знаешь», — протянул он, но я заметила, что мои слова были ему по душе.

«Я знаю Эда Ширана. Ты всё равно лучше», — сказала я, снова обнимая его и утыкаясь носом ему в плечо. От него пахло стиральным порошком, бергамотом, корицей и чем-то цветочным. Дядя Дэнни всегда не только выглядел, но и пах так, что хотелось вдохнуть глубоко и задержать дыхание подольше. Его руки обвили мои плечи, и я почувствовала себя в полной безопасности — и одновременно немного не в себе от того, как крепко колотилось сердце.

«Я правда очень по тебе скучала», — пробормотала я в его плечо.

«Я тоже скучал, Пташка. Спасибо, что приехала», — тихо ответил он, обнимая меня крепче. Сердце затрепетало. Дядя Дэнни всегда был моим самым любимым в мире человеком. Оставалось только не думать о том, что в последнее время это слово — «дядя» — иногда застревало у меня в горле.